

На правах рукописи

Кислицына Наталья Николаевна

**КОНЦЕПЦИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОННОТОЛОГИИ
(КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Майкоп – 2021

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Научный консультант:	Петренко Александр Демьянович, доктор филологических наук, профессор
Официальные оппоненты:	Бредихин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», г. Владикавказ
Ведущая организация:	ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск

Защита состоится 05 июля 2021 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.001.09 по филологическим наукам при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260 и на сайте университета: adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnyesovety/dissertation/2166/

Автореферат разослан «_____» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.Ю. Баранова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Содержание современной лингвистической теории демонстрирует значительный интерес ученых к разработке фундаментальных вопросов, связанных с существованием человека в социуме и роли языка как средства коммуникации. Исследование феномена коннотации в номинативном, когнитивном и дискурсивном аспектах дает возможность выявить особенности формирования коллективного знания, отраженного в значениях языковых единиц, инкорпорировав в процедуру анализа учет фактора действующих лиц как неотъемлемых актантов коммуникативного процесса.

Более тридцати лет назад вышел в свет труд В. Н. Телия, посвященный описанию коннотативного аспекта семантики номинативных единиц. В нем автор осветила вопросы, связанные с пониманием коннотации в лингвистике, и обозначила актуальную на тот момент проблематику дальнейших изысканий.

Представленная в настоящей работе теория – это результат осмысления проблемы значимости лингвистической коннотации в новом ракурсе, выбранном с учетом современного состояния гуманитарных наук. Проведение данного исследования было продиктовано необходимостью восполнить лакуну холистического описания коннотации в свете когнитивно-дискурсивного подхода, стремлением модернизировать идеи, обозначенные в трудах отечественных и зарубежных ученых (В. И. Говердовский, 1977; Л. Н. Иорданская, 1980; В. В. Левицкий, 1983; В. А. Маслова, 1989; И. А. Мельчук, 1980; Э. Г. Ризель, 1980; В. Н. Телия, 1986; А. В. Филиппов, 1978; В. И. Шаховский, 1980; J. L. Bruning, 1972; S. Bullon, 1990; В. Buchanan, 1971; T. Czeżowski, 1979; S. P. Harbin, 1966; W. Nicolaisen, 1978; L. Urdang, 1979; J. E. Williams, 1966) в аспекте парадигмальных изменений, произошедших за последние десятилетия в гуманитарной сфере.

В качестве базового познавательного принципа авторской концепции изучения феномена лингвистической коннотации в настоящей работе выступает принцип конвергенции, позволяющий выйти за пределы координат, задаваемые языковой системой. Убежденность в такой необходимости базируется на теореме «о неполноте познания» австрийского математика К. Гёделя, постулирующей невозможность целостно познать некую систему, находясь внутри этой системы. Такой подход объясняет активное привлечение в процесс исследования коннотативного значения положений и методов, используемых в науках, связанных с формированием, сохранением и передачей информации с помощью естественного языка.

Так, в настоящей работе классические лингвистические теории, разработанные Л. Блумфильдом, Л. Вайсгербером, В. фон Гумбольдтом, А. А. Потебней, Э. Сепиром, Б. Л. Уорфом, конвергируются с концепциями, освещаемыми в области психологии, этнологии, когнитивной науки, лингвокультурологии, социолингвистики, теории коммуникации и дискурсологии.

Проблематика коннотации и коннотативного значения языковых единиц (КЗЯЕ) долгое время находилась на периферии лингвистической теории значения. Чаще всего она поднималась в исследованиях, носивших прикладной характер и, как периферийное понятие, характеризующееся высокой степенью субъективности, оставалось вне поля активных системных исследований. В современной лингвистической науке наблюдается значительное расхождение в трактовке коннотации, а во многих научно-исследовательских работах термин «коннотация» употребляется недифференцированно с терминами «ассоциация», «стереотип», «стилистическое значение», «переносное значение», «метафорическое значение», «контекстное значение» и др., что порождает проблему терминологического пересечения, требующую выяснения причин сложившейся *диффузности* [Киклевич, 2007 : 11-113]. В научных работах, посвященных исследованию коннотации, неоднократно отмечалась проблематичность определения значимости коннотации, обусловленная многомерностью исследуемого понятия и отсутствием ясности относительно его статуса в «семантическом пространстве языка» [Быкова, 2005 : 5; Булдаков, 2011].

Такое положение вещей не может удовлетворять современное языкознание: в связи с формированием новых междисциплинарных направлений, появлением технических возможностей работы с массивами лингвистического материала возникла необходимость систематизировать полученные данные, усовершенствовать теории, связанные с интерпретацией лингвистического значения, расширить горизонты постижения языка как средства номинации, коммуникации и познания.

Все вышесказанное определяет **актуальность** настоящего исследования, которая также обусловлена:

- соответствием тематики работы общей антропоцентрической направленности современной лингвистики на выявление и теоретическое обоснование опосредованного присутствия индивида в языке и влияния человеческого фактора на вербальную составляющую коммуникации;

- возможностью немеханистического истолкования взаимовлияния человеческого мышления, языка и социокультурных условий,

открывающейся благодаря конвергированию принципов когнитивной науки, дискурсивного подхода и сравнительно-сопоставительного метода. Включение коннотации в число гносеологических констант позволяет определить универсалии человеческого мировидения, выявить кросс-культурную интерференцию, а также специфику образного освоения окружающего мира, отраженную в разных языках;

- перспективой заполнить лауну в теоретическом представлении феномена коннотации посредством построения целостной концепции **лингвистической коннотологии**.

Коннотативное значение понимается в работе как факультативный производный компонент лексического значения слова, обладающий ярко выраженной оценочностью, эмоциональностью и экспрессивностью, воплотивший в семантической структуре слова результат когнитивной интерпретации окружающего мира носителями языка. Словосочетание «коннотативное значение» употребляется в работе недифференцированно с термином «коннотация».

Объектом исследования является феномен коннотации как универсальное лингвистическое когнитивно-коммуникативное явление.

Предметом исследования являются когнитивные основания формирования коннотативного значения языковых единиц, особенности дискурсивной реализации коннотативно маркированных языковых единиц, коннотативная диасемия как результат разновекторности вербализации коллективного знания, выявляемая при сопоставлении родственных и неродственных языков.

Материал исследования. Анализ реализации КЗЯЕ проводился на разных языковых уровнях (лексическом, синтаксическом, гиперсинтаксическом и дискурсивном) родственных и неродственных языков. Критерием отбора языкового материала являлось наличие у языковых единиц положительного или отрицательного коннотативного значения, зафиксированного в словаре либо детерминированного контекстуально.

На лексическом уровне выборка лексем с фиксированным коннотативным значением осуществлялась из тридцати общих и аспектных толковых, а также двуязычных переводных словарей (18 русскоязычных и 12 англоязычных). С целью демонстрирования существующей коннотативной диасемии, кроме русскоязычных и англоязычных источников, привлекался эмпирический материал из других языков (персидский, польский, украинский, японский). Репрезентативность результатов исследования КЗЯЕ обеспечена привлечением контекстов, извлеченных из ресурсов Корпуса

современного американского языка (The Corpus of Contemporary American English (COCA)), Британского национального корпуса (British National Corpus (BNC)), Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также печатных и электронных источников (32 сайта), содержащих тексты публицистической и художественной тематики (общий объем 1315 контекстов, 39465 словоупотреблений). С целью проведения исследования на дискурсивном уровне эмпирический материал был отобран из специализированных интернет-форумов, созданных для многоцелевого общения участников (403 коммуникативные интеракции).

Научная проблема настоящего исследования определяется значимостью коннотативной вариативности языков для успешного осуществления процесса интра- и интеркультурной коммуникации. Выявление и описание специфики комплексного взаимодействия лингвистических и нелингвистических факторов на образование коннотативного значения способствует теоретическому осмыслению вопросов, связанных с изучением взаимовлияния языка, социума и культуры в когнитивно-дискурсивном аспекте. Коннотативное значение (КЗ), будучи культурно- и этномаркированным, несомненно, можно отнести к тем явлениям языка и речи, которые отображают «дух народа» [Гумбольдт, 1984], специфику мировидения лингвосоциума, «многоцветье и изменчивость, с одной стороны, и универсалии, присущие Homo Sapiens, Loquens, Legens и Scribensque, <...> с другой» [Черниговская, 2016 : 15].

Теоретическую основу настоящей работы составляет гносеологическая концепция синтетизма коннотации: феномен коннотации возникает благодаря взаимодействию интуиции (иррациональная составляющая), чувств (психологическая составляющая) и познавательной активности (когнитивная составляющая). Возникновение коннотативного значения происходит в результате вербализации эмоционально-оценочного отношения субъекта к объекту, а конституирование КЗ осуществляется в процессе регулярной дискурсивной деятельности.

Одним из предназначений лингвистической коннотологии является привлечение внимания специалистов к таким свойствам языковых единиц, которые онтологически не маркированы для носителей языка, воспринимающих данные явления как «реальное положение вещей», как «так и только так» [Залевская, 2007 : 148], но при этом демонстрируют мотивированность исследуемых языковых единиц (ЯЕ), которая «отражает» стоящие за ними когнитивные структуры» [Кибрик, 2015 : 32]. «Выбор» из лексикона конкретного языка определенного слова в качестве носителя «созначения», обусловлен интегративным воздействием лингвистических и

нелингвистических факторов, важное место среди которых занимает социокультурный контекст, обуславливающий как универсальность, так и межъязыковую специфику коннотативного значения.

На основании вышеизложенного представляется возможным выдвижение следующей **гипотезы**: целостное раскрытие особенностей образования и реализации коннотативного значения языковых единиц возможно исключительно при условии системного интегративного использования когнитивно-дискурсивного подхода и принципа межъязыкового сопоставления, что обеспечивается интродуцированием **лингвистической коннотологии**. Выделение данного специализированного научного направления способствует:

- определению влияния когнитивного суперстрата на формирование производных эмоционально-оценочных значений ЯЕ;
- установлению синергетического воздействия языковой системы, контекста и конситуации на коннотемизацию ЯЕ;
- выявлению изоморфных и алломорфных аксиологических, культурных установок лингвосоциумов.

Цель диссертационной работы – разработка и обоснование концепции интегративного описания особенностей языкового воплощения коннотативного значения с позиций когнитивно-дискурсивного подхода в рамках **лингвистической коннотологии**.

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть феномен коннотации в ретроспективном междисциплинарном аспекте, определить характеристики коннотации, релевантные лингвистической сфере, экстраполировать полученные выводы на существующее понимание объекта исследования;
- 2) представить комплексное описание этапов становления понятия и термина «коннотация» в лингвистике, обозначив ключевые дефиниционные локусы;
- 3) охарактеризовать статус коннотации в гибридных науках гуманитарного профиля;
- 4) разграничить и определить качественное соотношение между коннотацией и смежными лингвистическими и нелингвистическими явлениями-коррелятами;
- 5) обосновать необходимость интродуцирования лингвистической коннотологии в систему современных научных направлений;
- 6) определить общеобразовательную важность, языковедческую значимость и прикладную ценность лингвистической коннотологии;

7) разработать содержательную и методологическую составляющую лингвистической коннотологии;

8) раскрыть специфику языкового воплощения и дискурсивной реализации коннотативного значения в родственных и неродственных языках в свете интегративного подхода.

Методологические основы исследования связаны с когнитивно-дискурсивным направлением, конвергирующим ряд гуманитарных дисциплин, ориентированных на изучение особенностей реализации Homo Loquens, Legens и Scribensque в языке и речи. Методологический арсенал исследования включает: характерологический и индуктивный методы, позволившие обобщить частные наблюдения и описать закономерности образования коннотативного значения; компонентный анализ (для установления изоморфных и алломорфных компонентов смысла и описания процесса коннотемизации), контент-анализ (для определения мотивов адресанта и возможных результатов воздействия ЯЕ с актуализированным коннотативным значением на адресата). В качестве инструмента, способствующего осуществлению коннотативной коллинеации ЯЕ, используется лингво-переводческий метод. Сравнительно-сопоставительный анализ был применен с целью определения коннотативной диасемии в родственных и неродственных языках. Контекстологический анализ использован в работе для определения условий реализации коннотативного значения; интерпретационный метод способствовал объяснению когнитивных процессов, обуславливающих формирование КЗ. При проведении опроса информантов методом эликации [Chelliah, De Reuse, 2011 : 228-236; Федорова, 2016 : 12] была осуществлена интерпретация особенностей восприятия коннотативного значения слов родного и иностранного языков. Подготовка и анализ языкового материала, используемого в анкетах, проводились с привлечением инструментария НКРЯ и СОСА, программного обеспечения «Numbers» и «Google Forms». Дискурс-анализ применялся для интерпретации содержательной составляющей продуктов вербальной интеракции коммуникантов.

Теоретико-методологическим основанием настоящего исследования послужили труды, выполненные в русле следующих научных направлений: **1) логико-философское и математическое направления**, подводящие к определению онтологических основ феномена коннотации и принципов, лежащих в основе настоящего диссертационного исследования (А. Арно, К. Лансло, 1991; Ф. Эрфуртский, 2006; К. Gödel, 2001; J. S. Mill, 2009; J. Mill, 2018; С. S. Peirce, 1998); **2) психологическое** направление с проекцией на аксиологические, эмоциональные и образные компоненты коннотации (В. И.

Аршинов, 2004; Л. С. Выготский, 1998; А. А. Залевская, 2007; С. Д. Кацнельсон, 2001; К.Г. Крушельницкая, 1970; В. В. Левицкий, 1983; Н. В. Могутова, 2002; А. Н. Морозова, 2018; N. Chomsky, 1987; R. A. Hoppe, J. F. Kess, 1981; R. J. Martin, 2005; R. L. Solso, 2014; W. M. Wundt, 2010); **3) когнитивная лингвистика** в аспекте рассмотрения коннотативной системы языка, вербально воплощающей результаты концептуализации и категоризации, сохраняющей в своей семантике знания носителей языка об окружающем мире (Н. Н. Болдырев, 2016; Э. В. Будаев, 2013; В. З. Демьянков, 2016; М. Р. Желтухина, 2019; В. И. Карасик, 2015; Ю. Н. Караулов, 1980; А. А. Кибрик, 2003; А. Е. Кибрик, 2015; Е. С. Кубрякова, 2004; В. А. Маслова, 2008; М. В. Пименова, 2004; З. Д. Попова, 2007; А. А. Потебня, 2007; А. М. Приходько, 2008; И. А. Стернин, 1998; Л. О. Чернейко, 2005; А. П. Чудинов, 2013; Е. И. Шейгал, 2000; S. M. Dickey, 2017; T. A. van Dijk, 1976; C. J. Fillmore, 1992; D. Geeraerts, 2003; D. G. Holland, 1987; L. A. Janda, 2017; R. W. Langacker, 2011); **4) лексическая семантика и семасиология** в аспекте рассмотрения соотношения коннотативного и денотативного значений (Н. Ф. Алефиренко, 2005; Ю. Д. Апресян, 1995; И. В. Арнольд, 1989; Н. Д. Арутюнова, 1991; О. С. Ахманова, 1969; Р. Барт, 1975; В. В. Виноградов, 1977; Е. М. Вольф, 1985; В. Г. Гак, 1998; Р. С. Гинзбург, 1978; Е. В. Гулыга, 1976; А. А. Зализняк, 2006; М. А. Кронгауз, 2001; А. М. Кузнецов, 1986; Ю. М. Лотман, 2001; В. А. Плунгян, 2001; Е. В. Рахилина, 1996; О. Н. Селиверстова, 2002; Е. И. Шендельс, 1976; А. В. Филиппов, 1978; D. Bolinger, 1967; J. A. Fodor, 1963; W. H. Goodenough, 1956; J. J. Katz, 1963; K. Krippendorf, 2004; E. A. Nida, 1975); **5) дискурсология** в аспекте интегративной связи языка и речемыслительной деятельности (М. А. Андросова, 2006; Н. Д. Арутюнова, 1990; Л. М. Болсуновская, 2010; С. Н. Бредихин, 2018; А. Д. Диденко, 2010; Л. И. Зубкова, 2016; Ю. Н. Караулов, 1989; Г. Н. Манаенко, 2017; Т. А. Островская, 2016; В. В. Петров, 1989; З. И. Резанова, 2010; В. Е. Чернявская, 2017; T. A. van Dijk, 1979; Н. Р. Grice, 1991); **6) теория метафоры** как способа мышления и познания действительности, как механизма образования производных значений слова (А. Н. Баранов, 2014; Э. В. Будаев, 2008; Л. Д. Гудков, 1994; И. М. Кобозева, 2010; А. П. Чудинов, 2008; M. Jonson, G. Lakoff, 2006); **7) теория коннотативного значения** (Р. К. Асабин, 2011; В. А. Булдаков, 2011; О. А. Бурукина, 2000; О. И. Быкова, 2012; Н. Г. Глебова, 2017; В. И. Говердовский, 1977; Ю. А. Ладыгин, 2000; О. А. Никитина, 2017; А. И. Приходько, 2014; О. Г. Ревзина, 2001; В. Н. Телия, 1986; В. И. Шаховский, 1982; В. Garza-Cuaron, 1991; G. Philip, 2011); **8) лингвистический и контекстологический анализ текста** в аспекте функционирования коннотативно маркированных языковых

единиц в минимальном и широком контекстах (Л. Г. Бабенко, 2004; А. Н. Баранов, 2009; Г. И. Богин, 1984; А. Э. Левицкий, 2019; А. А. Леонтьев, 1974; К. А. Neuendorf, 2002); **9) теория коммуникации в межкультурном аспекте и прагмалингвистика** с фокусом на условиях употребления языковых единиц с коннотативным значением в определенном коммуникативно-прагматическом контексте (С. Г. Агапова, 2003; Э. С. Азнаурова, 1988; Ш. Балли, 2001; Л. Г. Викулова, 2013; Д. Б. Гудков, 2003; А. А. Заводчикова, 2014; Т. В. Ларина, 2009; Г. Г. Почепцов, 2009; С. Г. Тер-Минасова, 2008; Л. В. Цурикова, 2002; Э. Чернокожева, 2009; M. Bierwisch, 1980; S. Blum-Kulka, 1989; J. Corbett, 2010; J. House, 1989; G. Kasper, 1989; F. Kiefer, 1980; R. Porter, 1997; L. Samovar, 1997; J. R. Searle, 1980; A. Wierzbicka, 2003); **10) лакунология, лингвокультурология**, освещающие национально-культурную специфику коннотации (И. А. Бубнова, 2014; Е. М. Верещагин, 2013; В. И. Карасик, 2001; В. В. Катермина, 2018; В. Г. Костомаров, 2013; В. В. Красных, 1998; Ю. М. Лотман, 2001; М. Ю. Марковина, 2010; В. А. Маслова, 2001; Ю. А. Сорокин, 2010; Ю. С. Степанов, 2011; Э. Сепир, 2003; Т. Ю. Тамерьян, 2017; Е. А. Эйнуллаева, 2003; Т. Anokhina, 2013; J. Atkins, 1979; F. G. Lounsbury, 1956; А. Рум, 1993; А. Ф. С. Wallace, 1979; А. Wierzbicka, 1992); **11) социолингвистика, этнолингвистика** в аспекте социальной и национальной обусловленности коннотативного значения (Р. Т. Белл, 1980; Б. Малиновский, 2004; А. Д. Петренко, 2009; L. W. Neuman, 2000); **12) сравнительно-сопоставительная лингвистика** с фокусом на рассмотрении проблем экспликации универсальных и культурно-специфических эмоционально-оценочных смыслов, воплощённых в языковых единицах с актуализированным коннотативным значением (И. А. Бодуэн де Куртенэ, 2019; А. Вежбицкая, 2001; Ю. О. Жлуктенко, 1979; В. Б. Кашкин, 2007; В. Н. Манакин, 2004; М. М. Покровский, 2019; Е. Д. Поливанов, 2020; В. Скаличка, 1966; Л. В. Щерба, 1965; В. Н. Ярцева, 1990; А. Chesterman, 2004; J. Darbelnet, 1995; С. Goddard, 1997; S. Johansson, 2008; Т. Р. Krzeszowski, 1990; R. Lado, 1971; J. P. Vinay, 1995).

Изучение феномена коннотации в рамках перечисленных 12 научных направлений позволило определить **степень научной разработанности** исследования лингвистической коннотации, подробно изложенную и наглядно представленную во второй главе. В процессе работы с обозначенными источниками были критически проанализированы параметры, позволяющие синтезировать целостное описание объекта исследования, представить феномен коннотации как результат ментальных

процессов адресанта, пытающегося вербально выразить свое отношение, оценку происходящего и оказать персуазивное воздействие на адресата.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рассмотрение феномена коннотации в ретроспективном междисциплинарном аспекте позволяет определить в качестве её сущностной характеристики способность онтологизировать результаты когнитивной деятельности человека, его психических, эмоциональных реакций и аксиологических установок в единой вербальной форме.

2. Комплексная характеристика этапов становления понятия и термина «коннотация» в лингвистике даёт основания для выделения в качестве возможных ключевых дефиниционных локусов межуровневость, кросс-дисциплинарность и интеракционность. Данные локусы предопределили в роли доминирующего качественного свойства коннотации *некомпозиционность*. Некомпозиционность коннотации позволяет ей реализовываться на всех уровнях языка, мимикрируя в соответствии со структурными особенностями последних.

3. Исследование механизмов образования и реализации КЗ с опорой на данные гибридных наук эксплицирует взаимодействие между языком, культурой и менталитетом лингвосоциума. В качестве связующего звена данного взаимодействия выступает дискурсивная языковая личность. Рассмотрение коннотации в фокусе лингвокультурологии, социолингвистики, антропо- и этнолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики позволяет определить коннотацию как: а) знак межкультурного уровня, отражающий культурно-мировоззренческие установки носителей языка; б) маркер национального менталитета, значимый для языковых картин мира; в) факт языка, свидетельствующий о его деятельностной направленности; г) мыслительно-языковой феномен, отражающий когнитивные модели коллективного бессознательного.

4. Характер соотношения между коннотацией и смежными лингвистическими и нелингвистическими явлениями-коррелятами демонстрирует диффузность границ, отделяющих одно понятие от другого, что обусловлено ценностно-познавательным синкретизмом коннотации, представляющей вербализованную форму когнитивной интерпретации окружающего мира.

5. Интродуцирование лингвистической коннотологии в систему современных научных направлений обусловлено значимостью осмысления коннотации в рамках общего и специального языкознания, межкультурной коммуникации, переводоведения и иных дисциплин гуманитарного профиля, теоретические и прикладные аспекты которых весьма чувствительны к

интерпретации коннотации. Нивелирование коннотации, являющейся воплощением метафорического переосмысления, идеологических представлений и эмоционально-оценочного отношения носителей языка к окружающему миру, приводит в условиях межъязыкового взаимодействия к коммуникативному диссонансу, вызванному аномальным истолкованием КЗЯЕ.

6. Философия лингвистической коннотологии зиждется на трёх столпах: I) общеобразовательная важность, обусловленная междисциплинарными связями лингвистической коннотологии и иных гуманитарных дисциплин, взаимодополняющих друг друга в аспекте материала исследования, методологического аппарата и терминологической номенклатуры; II) лингвистическая значимость, связанная с необходимостью построения теоретических основ нового научного направления, когда сама постановка проблемы способствует активизации предметной научной дискуссии; III) практическая польза, объясняемая востребованностью полученных результатов при разработке методики преподавания иностранных языков, чтения курсов по переводоведению и практике межкультурного и межъязыкового общения.

7. Содержательная и методологическая составляющие лингвистической коннотологии представляют собой интегративный комплекс, фиксирующий новую систему рассмотрения коннотации, конвергирующую сравнительно-сопоставительную методику анализа языкового материала и когнитивно-дискурсивный подход. Такой фокус исследования позволяет продемонстрировать на материале разных языков некомпозиционность и динамичность коннотации, её способность совмещать в себе не только логически-рациональную, но и иррациональную и экспрессивно-оценочную сущности.

8. Особенности языкового воплощения и дискурсивной реализации КЗ в разных языках в свете интегративного подхода демонстрируют объективацию представлений, знаний, эмоционально-оценочных и духовных установок носителей языка. Исследование коннотации на лексическом уровне способствует экстерииоризации когнитивной деятельности человека. Эффективность взаимодействия мотивирующих сочетаемостных конструкций на синтаксическом уровне позволяет говорить о существовании моделей-алгоритмов, способствующих актуализации КЗ. Реализация КЗ на гиперсинтаксическом уровне, применение приемов контекстуализации и деконтекстуализации позволяет выявить используемые с целью актуализации КЗ языковые механизмы и структуры и перевести их из разряда гипотетических в разряд очевидных. Реализацию КЗ на дискурсивном уровне

следует квалифицировать как субъективную прагматику смыслообразования. Коннотативная диасемия, обусловлена дифференцированной направленностью векторов метафоризации в различных языках.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые коннотативное значение языковых единиц рассматривается как ингерентная часть значения слова в ракурсе когнитивно-дискурсивной парадигмы и сопоставительного изучения языков и культур. Обращение к данным разных языков, многоаспектное и многоуровневое исследование с применением интегративного подхода, конвергирующего классические методы структурной лингвистики и современные методы когнитивно-дискурсивной направленности, создают условия для обоснования необходимости интродуцирования оригинального исследовательского вектора – **лингвистической коннотологии**.

Системное описание реализации коннотативного значения языковых единиц в статике и динамике позволяет представить коннотацию в новой перспективе, продемонстрировав ее холистичность, обусловленную синергетическим слиянием когнитивных, психологических, прагматических, социокультурных и собственно лингвистических факторов, получивших благодаря КЗЯЕ воплощение в языке и речи.

Для осмысления и уточнения основных положений работы в число используемых терминологических единиц автором были введены следующие:

Коэквивалентность – эквивалентность ЯЕ, принадлежащих разным языкам, определяемая на основании соответствия их коннотативного значения.

Коннотемизация – процесс активизации периферийной семы, приводящий к образованию у языковой единицы дополнительного переносного эмоционально-оценочного значения.

Коннотативная диасемия – расхождение коннотативных значений слов-эквивалентов, являющихся тождественными на основании соответствия их денотативных значений.

Коннотативная коллинеация – построение синонимических рядов интра- и интерязыковых эквивалентов на основании соответствия КЗЯЕ с целью установления тождеств, т.е. «предельных случаев равенства» с учётом их системно-структурных, лексико-семантических, контекстуальных и когнитивно-дискурсивных свойств.

Конситуативная интерпретация – анализ значения ЯЕ с учетом компонентов ситуативного контекста, позволяющий установить закономерности актуализации КЗЯЕ.

С целью объективации дивергентности коннотации ЯЕ и стоящих за ними концептов, используемых для оформления результатов коллективной когнитивной деятельности членов различных лингвосоциумов, предлагается формула выведения коэффициента коннотативной координированности сравниваемой пары языков.

Теоретическое значение работы состоит в разработке нового направления языковедческих исследований – **лингвистической коннотологии**. Предложенные теоретико-методологические принципы лингвистической коннотологии, конвергирующие когнитивно-дискурсивный и коммуникативный подходы, позволяют представить КЗ слова не как периферийное или паралингвистическое явление, а в качестве негетерогенной сущности, обладающей большой значимостью для языкознания, когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, переводоведения, социолингвистики, дискурсологии и коммуникативистики. Систематизация знаний и положений о коннотативном значении, выработанных в различных частнонаучных и гибридных научных направлениях, дает возможность определить гносеологическую, аксиологическую, психологическую и коммуникативную ценность данного феномена.

Кросс-языковое сравнительно-сопоставительное описание реализации КЗ открывает перспективы интерпретации лингвистических и связанных с ними когнитивных процессов, позволяющие сделать теоретические обобщения относительно проявления ментальности лингвосоциума в языке и организации дискурса. Положения, выработанные в рамках лингвистической коннотологии, способствуют формированию представлений о диапазоне коннотативной вариативности в межъязыковом аспекте, расширяют границы понятий лакуарности, эквивалентности, межъязыковой синонимии, а также критериев успешности межкультурной коммуникации.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в возможности использования полученных результатов при разработке и преподавании теоретических курсов по общему и сопоставительному языкознанию (когнитивные, культурные, коммуникативные, социальные, психологические аспекты языка и речи, лингвистика текста); частной и сопоставительной лексикологии (антропоцентризм лексической системы языка, типы лексического значения слова и лексико-семантическое варьирование); элективных курсов по когнитивной лингвистике и семантике (фиксация результатов познавательной деятельности в значении ЯЕ).

Материалы исследования могут найти применение в процессе подготовки, чтения лекций и проведения практических занятий по иностранному языку (формирование межкультурной и коммуникативной

компетенции), лингвострановедению (лингвострановедческая компетенция общения, языковые реалии со страноведческой направленностью), лингвокультурологии (культурный компонент содержания ЯЕ, языковая картина мира, аспекты межкультурной коммуникации), практике преподавания перевода (межъязыковые трансформации эмоционально-оценочной лексики).

Апробация работы. Основные положения работы были представлены на международных, всероссийских, региональных научно-практических конференциях в вузах России и зарубежных стран. Список мероприятий с участием автора включает двадцать пять позиций, инкорпорирующих и рекуррентное участие: I-V Международный научный конгресс «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» (Симферополь, 2016-2020); Polish Cognitive Linguistics Association Conference «Cognitive Linguistics in the Year 2019» (Poland, University of Białystok, 2019); Международная научно-практическая конференция «Реклама, маркетинг, PR: теоретические и прикладные аспекты интегрированных коммуникаций» (Краснодар, 2019); Международная конференция Британской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований (BASEES), Кембридж, Великобритания (Cambridge, United Kingdom 2014, 2019); I, III Международная научно-практическая конференция «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход» (Симферополь, 2017, 2019); I-V Международная междисциплинарная научная конференция «Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация» (Симферополь, 2016-2020); I-V Научная конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского» (Симферополь, 2015-2019); VII Международная конференция по компьютерной обработке тюркских языков «TurkLang 2019» (Симферополь, 2019); VIII Международный конгресс по когнитивной лингвистике. «Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире», МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, 2018); Международная научная конференция. «Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении» (Симферополь, 2018); XV конференция Ассоциации когнитивных славистов (SCLC-2017). Институт лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН) (Санкт-Петербург, 2017); III-rd International Symposium on Figurative Thought and Meaning. University of Osijek. Faculty of Humanities and Social Sciences University of Osijek (Croatia, 2017); Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика»

(Ялта-Симферополь, 2017); VII Международная научно-практическая конференция «Язык и личность в поликультурном пространстве» (Севастополь, 2016); VIII научно-методическая конференция «Англистика XXI в.», Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, 2016); I Международная научно-практическая конференция «Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик», Московский городской педагогический университет (Москва, 2016); II Международная научно-практическая конференция «Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания». МГИМО (У) МИД РФ (Москва, 2015); Международная научная конференция, посвященная 100-летию Южного федерального университета и 90-летию со дня рождения проф. Ю.А. Гвоздарева «Язык как система и деятельность – 5». Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (Ростов-на-Дону, 2015); X Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация». Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, 2015); Ежегодная научная конференция профессорско-преподавательского состава Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, 2011-2014); IV-VI Міжнародний український науковий конгрес дослідників зарубіжної літератури та культури «Світова література на перехресті культур та цивілізацій» (Алушта, 2011; Євпаторія, 2011-2013); II Всеукраїнська наукова конференція германістів з міжнародною участю «Германістика у XXI столітті: когнітивна, соціо- та прагмалінгвістика» (Харків, 2012); V Міжнародна наукова конференція «Іноземна філологія XXI століття» (Запоріжжя, 2012); III Международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода». Высшая школа перевода МГУ (Греция, Thessalonica, 2012); VI Международная конференция «Language, Individual and Society in the Modern World» (Bulgaria, 2012).

По теме исследования автором опубликовано 57 научных работ, в том числе: 4 статьи в сборниках Web of Science и Scopus, монография, 20 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Объем публикаций автора составляет 24,44 п.л.

Личный вклад автора заключается в том, что в диссертации интродуцируется новое направление исследований – лингвистическая коннотология. Установлены причины коннотативной диасемии, вариативность которой демонстрируется в процессе сопоставления языкового материала родственных и неродственных языков.

Сформулировано понятие коэффициента коннотативной координированности сравниваемых языков. Предложена квадранглическая модель значения, которая позволяет холистически представить взаимодействие лингвистических и нелингвистических факторов на процесс образования КЗ слова. Подготовлены и опубликованы научные работы по теме диссертации, в основу которых положен практический опыт автора в сфере преподавания иностранного языка студентам филологических и переводческих направлений, а также подготовка аспирантов и соискателей ученой степени кандидата филологических наук.

Диссертация выполнена в рамках научно-исследовательской темы Института филологии (СП) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» – «Социальная и национальная вариативность языка и литературы» (номер государственной регистрации №115121010053; индекс УДК 81 – 119:575.82), руководитель профессор, доктор филологических наук А. Д. Петренко.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из списка сокращений, введения, четырех глав, заключения, списка литературы (658 пунктов (413 на русском и 245 на иностранных языках)), списка лексикографических источников и источников языкового материала (158 пунктов), двух приложений. Общий объем работы составляет 460 страниц, объем основного текста – 368 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяется общее направление исследования, обосновывается актуальность поставленной проблемы, определяются цель, задачи, объект, предмет, эмпирический материал, формулируется гипотеза, излагаются методологические основания и методы исследования. Раскрываются научная новизна, теоретическое значение и практическая значимость исследования, приводятся данные об апробации, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Глава первая «Теоретические аспекты изучения феномена коннотации» предваряет исследование проблемы вариативности КЗ языковых единиц-эквивалентов в родственных и неродственных языках, представляя результаты анализа логико-философских основ генезиса понятия «коннотация», осмысления специфики терминологизации данного понятия в лингвистике и гибридных науках гуманитарного профиля.

В **параграфе 1.1.** осуществляется критический обзор концепций коннотации, представляющих эволюцию взглядов на исследуемое явление с позиций ученых схоластов XIII-XIV вв., грамматиков-порроралистов, философов XIX-XX вв. Комплексное изложение размышлений теологов,

философов, логиков, математиков о природе КЗ позволило системно представить волатильность взглядов на феномен коннотации; акцентировать различия содержания термина «коннотация» в работах средневековых логиков, ученых-философов пост-картезианского периода и современных ученых; выявить истоки принадлежности данного слова к терминологической номенклатуре различных дисциплин.

В параграфе 1.2. проводится анализ ключевых позиций освещения феномена коннотации с точки зрения лингвистов-классиков (Л. Блумфильд, 1968; Л. Ельмслев, 1960), известных ученых в области культурологии, этнологии, психологии, социологии (Е. Бартминьский, 1988; Л. С. Выготский, 1998; В. А. Звегинцев, 1973; А. Н. Леонтьев, 1974; Б. Малиновский, 2004; Е. Д. Поливанов, 2020), а также осуществляется соотнесение их взглядов с актуальными тенденциями с целью определения динамики и векторности новых подходов к изучению КЗ.

В параграфах 1.3.-1.4. посредством рассмотрения функционирования термина «коннотация» в области антропологической лингвистики, этнолингвистики, социоллингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, дискурсологии и прагмалингвистики устанавливается, что причиной междисциплинарного характера коннотации является её интегративная многоаспектность, обусловленная взаимодействием психологических, социокультурных и собственно лингвистических факторов, влияющих на формирование коннотативного значения у ЯЕ.

Предлагается системное представление вариантов дивергенции трактовок коннотации по параметрам *аспект–функция–цель* в зависимости от научного направления/дисциплины. Под аспектами коннотации понимаются различные свойства коннотации, рассматриваемые в отдельных дисциплинах в качестве её доминирующих характеристик. Осуществлено системное представление выделенных свойств, отмечена их конвенциональность. Обосновывается возможность холистического представления КЗ с привлечением когнитивно-дискурсивного подхода.

Глава вторая «Концепция коннотативного значения слова в современной лингвистике: кросс-корреляционный подход» содержит обзор основных дискуссионных вопросов, связанных с функциональными, структурными и типологическими характеристиками коннотации. Основной целью данного анализа является определение теоретико-методологических основ настоящей работы и степень разработанности научной проблемы.

В параграфе 2.1. с целью определения доминирующих тематической и специальной составляющих в исследованиях коннотации, был осуществлен контент-анализ научных работ, тематически связанных с понятием

коннотации и представленных в Научной электронной библиотеке DissertCat, справочно-информационных системах «Электронная библиотека диссертаций», «Человек и наука» и «Библиотека диссертаций». В результате

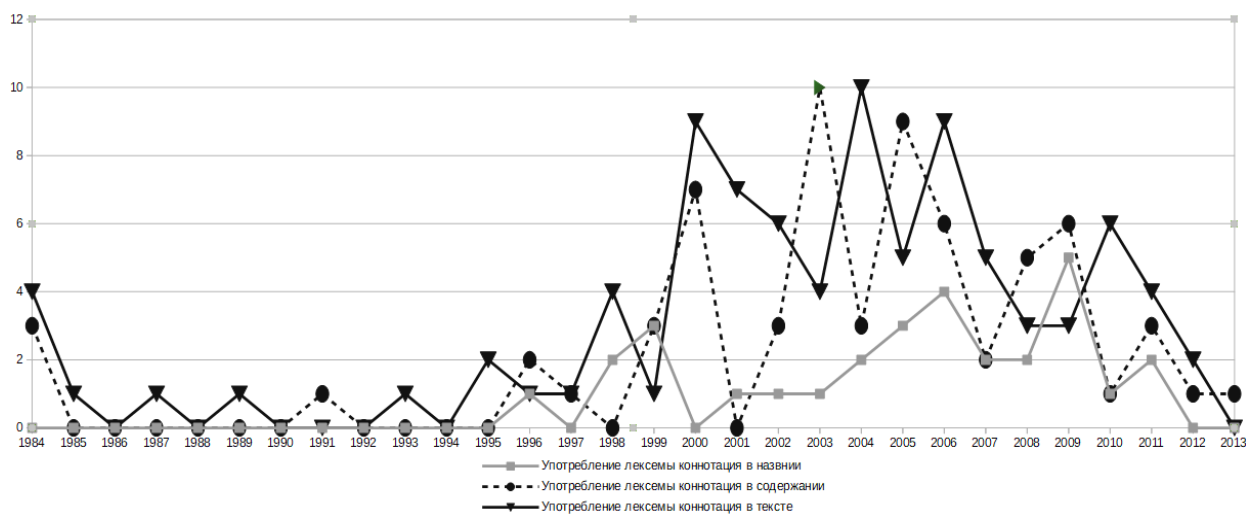

Схема 1. Хронологическая флуктуация количества работ, включающих термин «коннотация»

был составлен каталог диссертаций (181 работа) предметом, объектом или отдельным вопросом которых являлась лингвистическая коннотация.

Графическая экспликация результатов контент-анализа каталогизированных диссертаций показывает отношение количества защищенных работ к году публикации. Анализ функционирования слова «коннотация» и его производных в названии, содержании и текстах введения и заключения соответственно позволил представить статистику теоретически и практически разрабатываемых направлений, классифицировать научные работы в хронологическом и тематическом аспектах, а также продемонстрировать, какие сущностные черты коннотации позволили ей интегрироваться в лингвистические и иные гуманитарные науки.

Параграф 2.2. посвящен анализу специфики отношений понятия КЗ с коррелирующими понятиями: внутренней формой слова, мотивацией, переносным значением, метафорическим значением, ассоциациями, стереотипами, образностью, прагматической значимостью и стилистическим значением.

С целью определения коннотативного потенциала слова, выявления соотношения значимых характеристик коннотативно маркированных языковых единиц (КМЯЕ) был проведён опрос информантов в формате анкетирования. Задача информантов заключалась в «присуждении» анализируемому слову соответствующего количества баллов в зависимости от обладания определенными свойствами (эмоциональность, оценочность, метафоричность, экспрессивность, образность, внутренняя форма), а также определении степени их проявления. Эксперимент проводился с

привлечением двух групп информантов: носителей русского языка, искусственных билингвов (русский и английский), обучающихся Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в возрасте от 18 до 23 лет и носителей иных языков со знанием английского языка, обучающихся Амстердамского университета (University of Amsterdam) с уровнем знания английского языка не ниже IELTS Academic 6.5/TOEFL 92, не владеющих русским языком.

Языковой материал, представленный в анкете, предназначенной для первой группы информантов, включал слова русского языка, обладающие КЗ, и их коэквиваленты на английском языке: *увалень*, *мешок*, *медведь*, *пентюх*, *loser*, *dumpling*, *laggard*. По результатам обработки 87 анкет наибольшим коннотативным потенциалом обладают слова *медведь* и *loser*, которые, по мнению информантов, выражают эмоционально-оценочное отношение автора, имеют прозрачную внутреннюю форму, метафорическое значение, экспрессивность и образность. Языковой материал для второй группы информантов (63 участника) был модифицирован. Слова русского языка *увалень*, *мешок*, *медведь* и *пентюх* были заменены соответствующими англоязычными эквивалентами *lumttox*, *sack*, *bear* и *bungler*.

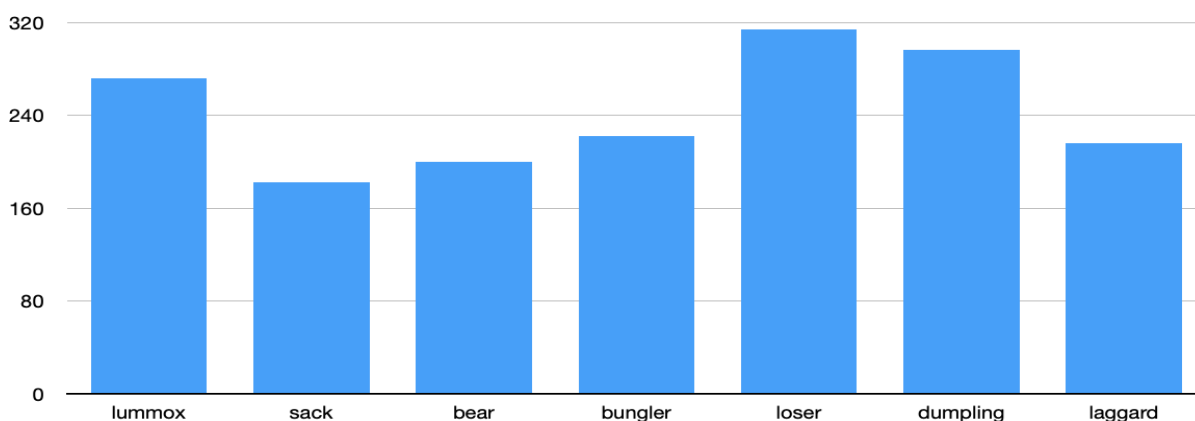

Рис. 1. Баллы, набранные стилистическими синонимами английского языка и переводными эквивалентами слов «увалень», «мешок», «медведь» и «пентюх»

Результат обработки анкет второй группы показал (Рис. 1), что наибольшим коннотативным потенциалом обладают *loser*, *dumpling* и *lumttox*, а *sack* и *bear* – наименьшим. Наблюдения позволили сделать вывод о том, что при поиске межязыковых синонимов коннотация ЯЕ часто остается вне поля внимания коммуникантов, что приводит к потере важных смысловых компонентов слова, высказывания, текста и дискурса в целом.

В параграфе 2.3. проводится рассмотрение условий реализации КЗ в контекстуальной проекции с привлечением материалов Национального корпуса русского языка [НКРЯ, 2018]. Изучение употребления ЯЕ показало

обусловленность актуализации КЗ особенностями сочетаемости. Формулировка задачи для поисковой системы заключалась в следующем: на расстоянии от 1 до 5 шагов (с учетом правого и левого контекстов) между исследуемыми единицами выявить определенное сочетание слов. В частности, анализ слова *собака* ($ipm = 132.2$) позволил выявить в основном корпусе 22 документа с примерами употребления конструкции «вот...собака», из которых пять имели КЗ (22,7%): – *Где ухватили? Василий промолчал. – Вот собака, сказал спросивший, и тут гордится! Василия сперва тихо, потом все громче и громче стали ругать: – Дворянский сын! Пес кривой!* [А.Е. Зарин. *Кровавый пир*. (1901)][НКРЯ]. *Во!* – *Лавря-казак вынул из-за пазухи бутылку темного стекла с наклейкой: «Деготь колесный».* – *Нельзя, дядя Лавря, ни граммульки!* – *Вот, собака, как спортил человека!* [Виктор Астафьев. *Печальный детектив* (1982-1985)] [НКРЯ].

Сочетаемость слова *собака* с указательной частицей *вот*, применяемой для привлечения внимания, усиления эмоциональной окрашенности, а также способствующей выражению пренебрежительного отношения и отрицательной оценки [СРЯ, 1985 : 219] способствовало актуализации его КЗ. Однако некомпозиционность КЗЯЕ обуславливает семантическую вариативность данной конструкции. Так, анализ употребления лексемы *собака* по НКРЯ в формате KWIC подтверждает, что для снятия многозначности необходимо, чтобы хотя бы одно из слов в предъявляемом контексте способствовало активации определенного значения:

Такая вот собака - бич была придана мне для **охранения** и для развлечения, поскольку я работал и спускался по реке один <...>. [Д. И. Саврасов. *Таежные были и небылицы* (2003-2008)].

Затоптали, вот собака и не чуёт. Это бывает. Всю осень мы наслаждались верной и умной работой новой собаки и ее безукоризненным послушанием. Удивляло одно – на каждой **охоте** у нас пропадал бекас <...>. [А. А. Ливеровский. *Журавлиная родина. Рассказы охотника* (1966)].

Коннотативный потенциал текста, образующийся в результате комплексного взаимодействия КМЯЕ с семантически конгруэнтными компонентами текста, является существенным текстообразующим признаком, обуславливающим его информативность, цельность и связность. Деконтекстуализация лексемы *собака*, либо лишает ее коннотации, либо, интегрируя смыслы семем, употребляемых в конкретном фрагменте дискурса, создает прямо противоположный энантиосемический эффект. Так, в сочетании с междометием *ах*, выражающим одобрение или восхищение,

лексема *собака* употребляется с положительным КЗ: «*Ах, собака, что делает! – одобряли пляску жители*» (Скиталец, Огарки) [СРЯ, 1988 : 168].

В параграфе 2.4. раскрываются особенности конвергенции КЗЯЕ и коллективного знания носителей языка. С помощью усовершенствованной модели семантического треугольника Огдена-Ричардса – квадранглической модели, дополненной вершиной «Индивид», заключенной в сферу, символизирующую социум, демонстрируется, что взаимодействие между отдельными значениями слова-полисеманта характеризуется перманентной проницаемостью границ, благодаря метафорическому переносу и когнитивному переосмыслению, способствующих одновременному задействованию нескольких концептов и образованию особой кросс-концептуальной зоны.

Как показано на Схеме 2, отсутствие прямых отношений между «Символом» и «Референтом» медируется «Индивидом». В процессе номинации, помимо категоризационной и концептуальной обработки поступившей информации, действующим лицом осуществляется оценивание субъекта, объекта или каких-либо явлений с утилитарной, социокультурной, нравственно-эстетической точек зрения, господствующих в определенный момент в данном лингвосоциуме.

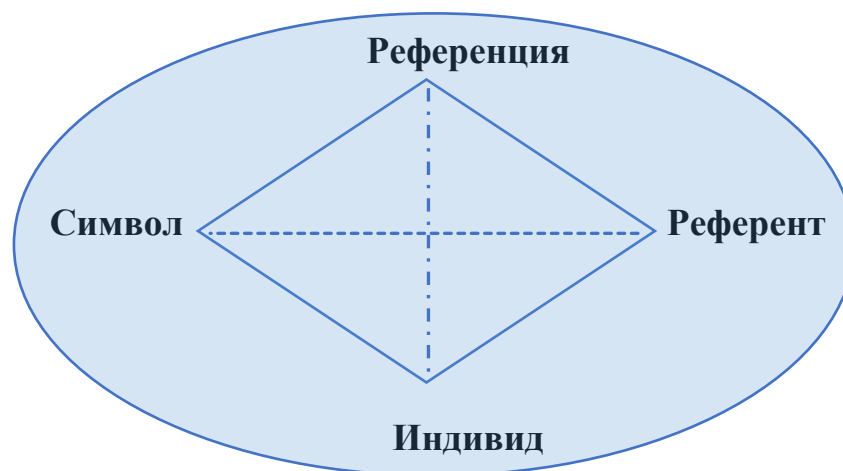

Схема 2. Квадранглическая модель значения

Значимость модификации треугольника Огдена-Ричардса заключается в необходимости демонстрации специфики трактовки термина «некомпозиционность», традиционная трактовка которого сводится к фокусировке на взаимодействии лексических и синтаксических компонентов при образовании значения ЯЕ. В настоящей работе некомпозиционность [Fodor, 2001] или **некомпозиционность** предполагает включенность «Индивида» (дискурсивной языковой личности) в процесс образования КЗЯЕ.

В Главе третьей «Лингвистическая коннотология: методология и принципы описания» формулируются базовые положения, определяющие статус лингвистической коннотологии как самостоятельного направления в системе языковедческих дисциплин.

В параграфе 3.1. определяется основная цель лингвистической коннотологии, состоящая в представлении КМЯЕ как целостного образования в системе каждого языка. Специфика лингвистической коннотологии заключается в фокусе рассмотрения предмета исследования, который «вписывает» человека, его эмоционально-оценочное отношение в широкий социокультурный контекст, погруженный в межнациональную языковую среду. Объектом лингвистической коннотологии являются языковые единицы-эквиваленты, тождественные именно по параметру КЗ. Предметом лингвистической коннотологии выступает интра- и интерязыковая вариативность коннотативного значения, обусловленная согласованным взаимодействием единиц лексического, синтаксического, гипersинтаксического и дискурсивного уровней. КЗЯЕ, появляющееся в результате регулярного употребления последних в письменных и устных текстах, отражает динамические процессы в семантике языков, представляет язык как изменяющуюся, облекающую мысль форму, заключающую в себе не только логически-рациональную, но и иррациональную, и экспрессивно-оценочную сущности.

В роли операционной единицы в зависимости от уровня рассмотрения реализации КЗ в работе выступает как слово, так и сочетание слов, находящихся в таких сочетаемостных отношениях [Апресян, 1995(а); Аракин, 1972; Гак, 1998 : 272-297; Юдина, 2006], которые способствуют активизации коннотативного значения одного из них. На уровне текста как зафиксированного результата языковой деятельности [Кибрик, 2003, 2015 : 30-32; Красных, 1998; Кубрякова, 1997] в качестве операционной единицы выступает микро- или макроконтeкст в форме высказывания или фразового единства, достаточного для определения КЗ анализируемого слова. На дискурсивном уровне в качестве операционной единицы выступает вербальный коммуникативный акт [Plunze, 2010; Reich, 2011] – отдельный фрагмент коммуникативного действия, представленный в виде текста, трактуемого в работе в качестве конфигурации интеракционного языкового общения, учитывающей особенности актантов и позволяющей проводить конситуативную интерпретацию с целью экспликации коннотации ЯЕ.

Представляемая в работе концепция лингвистической коннотологии как отдельного лингвистического направления ставит своей целью изучение способности естественных языков образовывать, сохранять и реализовывать

КЗЯЕ в интра- и интеръязыковом контекстах. Усваивая стереотипные представления, доминирующие в родном сообществе, пользователь языка приобретает навыки выражать своё мнение, оценку, эмоции и отношение к чему-либо/кому-либо соответствующими средствами родного языка. Так, переводческие эквиваленты, являющиеся тождественными с точки зрения их денотативного значения, имеют разные коннотации и могут служить причиной коммуникативного диссонанса. Например, сравнивая слова-эквиваленты русского, украинского и английского языков – *тряпка* (рус.), *ганчірка* (укр.) и *rag* (англ.) – по параметру их коннотативного содержания определяем, что слова русского и украинского языков обладают сходными отрицательными коннотациями: *разг., пренебр.* «О бесхарактерном, слабовольном человеке» – в русском языке [СРЯ, 1988: 421] и *перен., зневажл.* «Про безвольну, безхарактерну людину» – в украинском языке [СУМ, 1971: 27]. В английском языке слово *rag* также имеет отрицательные коннотации, но они связаны с иными ассоциациями, влияющими на сочетаемость данного слова (о газете низкого качества: *informal*: «*He's a writer for our local rag*» (MWLD, 2015) – «Он писатель для нашей местной газетенки»). В данном случае, наиболее близким эквивалентом с точки зрения коннотативной соотнесенности является в английском языке слово *flannel*: «*Wet as a flannel*» – *Бесхарактерный, как тряпка* (но не «фланель» при переводе на русский язык) [<https://context.reverso.net>].

В параграфе 3.2. представлен анализ коннотативно маркированного языкового материала родственных и неродственных языков в свете его межкультурной значимости и теории лакунарности. Коннотативная лакунарность обусловлена тем, что в КЗ воплощаются выработанные социумом нормы и оценки, соединяющие воедино существенные и несущественные фоновые признаки и свойства предмета. При этом КЗ слова, часто существующее на бессознательном уровне у носителей одного языка и культуры как нечто совершенно естественное и не требующее объяснений, эксплицируясь при сопоставлении языков, «удивляет» своей нелогичностью, странностью, создавая трудности при межъязыковой интерпретации.

Иллюстрацией данного утверждения может служить фрагмент из романа иранского писателя Х. М. Кермани «Вы же не чужой»: «*Дедушка хочет отвести моего отца в больницу. Там моему отцу поставят мозги на место. Ему вставят мозги зайца, чтоб он был умным и чтобы он правильно и основательно стал думать.* <...> *Дедушка смеется. Отец бросает в деда книгу стихов Хафиза*» [Кермани 2015: 120]. Коннотация слова «заяц» в русском языке препятствует пониманию данного контекста. Возможность наличия положительной коннотации у слова «заяц» в

персидском языке была установлена благодаря изучению стереотипов древних народов, рассмотрению нарративных традиций, восходящих к периоду скифской истории V в. до н.э. [Е. А. Молев, 2015].

В параграфе 3.3. определяются базовые методы экспликации КЗЯЕ с их поуровневым соотношением: компонентный анализ – лексический уровень, сравнительно-сопоставительный анализ – синтаксический и гиперсинтаксический уровни, контент-анализ – уровень дискурса. Демонстрируется дивергентность КМЯЕ и стоящих за ними концептов.

Коннотация у тождественных по денотативному значению слов может не совпадать или быть противоположной, когда речь идет об идеологических установках, под которыми мы понимаем систему доминирующих концептуальных представлений членов определенного лингвосоциума. Репрезентативным примером может служить функционирование слова русского языка *перестройка*, интраязыковая коннотация которого полярно менялась, от положительной: «*И у вас в России все хорошо. Перестройка, гласность, Горбачев. Великий человек. Харизма*» [Войнович, 1999]. «*1989-й год. Перестройка, гласность, потепление отношений. По-моему, все <...> остались очень довольны*» [Букин, 2001], до, появившейся спустя несколько лет после начала перестройки, отрицательной: «*Вижу. Перестройка, гласность, весело становится. История поворачивает. – Весело... Скоро история людей жрать начнет, из поворота вышвыривать*» [Илличевский, 2009]. Идеологическая «заряженность» слов русского языка *перестройка* и *гласность*, их культурная и социальная значимость оказались столь существенны, что английский язык, обладающий целым рядом эквивалентов к слову *перестройка* (*rebuilding, reconstruction; reorganization, reformation restructuring*) и *гласность* (*publicity, openness*), заимствовал русскоязычные транслитераты.

Контент-анализ текстов современных СМИ России и Украины позволил выявить противоположные коннотации наименования одного и того же референта, нацеленные на оказание прагматического воздействия на адресатов. Так, коннотация словосочетания «Крымский мост» полярно отличается в российских и украинских СМИ.: «*Крымский мост продолжает строиться ударными темпами. <...> рассказывать нам о ходе этого грандиозного строительства*» [<http://новости.ru-an.info/новости/крымский-мост>, 2018]. «*Крымский мост. Сделано с любовью!*». «*...> В центре сюжета – большая стройка в Керченском проливе. <...> Керчь и Тамань стали общим домом*» [<http://www.most.life/novosti/>, 2018]. «*#Стройкавека глазами Моста #ждеммост*» [https://twitter.com/krymsky_bridge, 2018]. «*Крымский мост в ожидании миллионного туриста*»

[<https://utro.ru/economics/>, 2018]. Данный материал, помимо описания конкретных фактов, лингвистически формирует положительную оценку происходящего. Лингвистический креатив [Гридина, 1996, 2015; Радбиль, 2017 : 16] авторов текстов позволяет «осваивать» действительность и формировать речеповеденческую модель носителей русской лингвокультуры. Дополнительными индикаторами намеренного формирования положительной коннотации образа «Крымский мост» являются эпитеты, метафоры, клишированные фразы, а также повтор прецизионной информации.

Совершенно иная модель фабрикуется в украинских русскоязычных СМИ. Фактически наблюдается порождение некоего симулякра [Бодрийяр, 2015], образа врага: *«Скандально известный Керченский (Крымский) мост соединяет аннексированный украинский Крым с Таманью <...> сейсмическая опасность района, опасность разрушения, чудовищные затраты – ничто не останавливает эту авантюру»* [<http://profidom.com.ua/video/klub-stroitelej>, 2018]. *«<...> Керченский мост превратил Азовское море в закрытый водоём <...> В Министерстве инфраструктуры Украины мост в Керченском проливе называют самостроем»* [https://petrimazepa.com/panamax_ne_proidet, 2018]. *«<...> Крымского моста, которым оккупанты соединили аннексированный полуостров с материковой частью России <...> в случае подтверждения угрозы экологической катастрофы, украинская власть обратится <...>»* [https://24tv.ua/ru/krymskij_most_mozhet_povlech, 2018]. *«<...> загружен совсем не так, как об этом анонсировала оккупационная власть. <...> по трассе сооружения проезжают несколько автомобилей, однако большой нагрузки или пробок нет»* [https://24tv.ua/ru/krymskij_most_v_razgar, 2018].

В результате происходит концептуализация представления с отрицательной коннотацией о грандиозном сооружении. Негативная стереотипизация формируется за счет неоднократного повторения единиц с пейоративной окраской. Постоянная ротация отрицательно заряженной информации в СМИ имеет большой шанс перейти в разряд стереотипных представлений реципиентов, на которых целенаправленно оказывается персуазивное воздействие. Единицей контент-анализа являются отдельные слова и условно устойчивые сочетаемостные модели, а навязчивая подача информации формирует эмоционально-оценочное отношение, которое побуждает граждан к определенным акциям. Таким образом, действенная сила коннотации, энергетический потенциал которой аккумулируется благодаря количеству однополярной информации, обуславливает

эффективность пропаганды, модулируя и моделируя идеологию и духовную культуру.

В качестве основных характеристик, применяемых для исследования условий актуализации КЗЯЕ, определены: 1) *частотность* (отражает статистику употребления слова с актуализированным КЗ относительно общего количества употреблений данного слова); 2) *направленность* (представляется как оценочный знак коннотации); 3) *интенсивность* (соответствует экспрессивности языковой единицы); 4) *пространство* (измеряется величиной контекста, необходимого для реализации КЗ). В последнем случае перспективным и целесообразным считаем использование мультимодального подхода, который позволит, помимо вербальной составляющей текста, учитывать и иллюстративные компоненты.

С целью установления степени коннотативной согласованности двух сравниваемых языков предлагаем формулу выведения коэффициента коннотативной координированности (ККК) ЯЕ сравниваемой пары языков:

$$K = \frac{Y}{L+N}$$

Где К – коэффициент коннотативной координированности двух сравниваемых языков; Y – количество случаев совпадения коннотации языковых единиц-эквивалентов; L – количество коннотативных лакун; N – количество несовпадающих случаев коннотации ЯЕ (дивергенция коннотативного значения). Чем выше показатель К, тем больше совпадает коннотация ЯЕ в сравниваемых языках и, соответственно, чем он ниже, тем больше дивергенция ЯЕ по параметру коннотативной тождественности.

Глава четвертая – «Когнитивно-прагматический вектор лингвистической коннотологии» – посвящена анализу реализации КЗ языковых единиц-эквивалентов на лексическом (параграф 4.1.), синтаксическом (параграф 4.2), гиперсинтаксическом (параграф 4.3.) и дискурсивном уровнях (параграф 4.4.).

В **параграфе 4.1.** показана значимость семантического содержания слова для экстерииоризации когнитивной деятельности человека. Установлено, что особенности КЗ лексических единиц обусловлены интегративным воплощением результатов «осмысления» наивных представлений носителей языка (познавательное мышление, воплощенное в языковой картине мира) и коммуникативным преобразованием имеющихся знаний для восприятия другими членами лингвосоциума (коммуникативное мышление, воздействие на реципиента). Именно по этой причине адресант из всех доступных синонимичных языковых форм выбирает КМЯЕ.

Изучение причин возникновения КЗ на лексическом уровне показало, что в основе его формирования лежат законы образования новых значений,

базирующиеся на таких свойствах языковой системы как метафоричность и метонимичность. КЗ слов, откладываясь в семантической памяти, позволяют индивидам оперировать знаниями о предметах, ситуациях, отношениях, с которыми субъекты лично не связаны или которые в момент процесса мышления не являются доступными для восприятия. Таким образом, память хранит знания и представления индивида о мире, многие из которых не являются научными, объективными или правильными с точки зрения логики.

Так, например, в русской лингвокультуре представление о змее как о «скользком» и «влажном» пресмыкающемся порождает метафорическое значение с отрицательной коннотацией: назвать человека змеей значит «повесить» на него ярлык «подлый, коварный, замышляющий злое деяние». Словарные толкования английского слова *snake* также фиксируют наличие отрицательной коннотации: *a treacherous person*; *an insidious enemy* [<https://www.dictionary.com/browse/snake>], *a worthless or treacherous fellow* [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/snake>], *an unpleasant person who cannot be trusted* [<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/snake>]. Анализ американского национального корпуса подтверждает существование указанного КЗ у слова *snake*: «*I am amazed at the naiveté of those on the right that can't face the reality that you have the new Hitler in POWER! You want this treacherous snake deposed then impeachment charges must be brought forward <...>!*» [Dreaming of Barack Obama's Forced Retirement, 2012] – Я поражен наивностью тех, кто справа, кто не может осознать, что у вас есть новый Гитлер во ВЛАСТИ! Если вы хотите, чтобы эта **коварная змея** была свергнута, то тогда должно быть выдвинуто требование импичмента! (перевод здесь и далее наш – Н. К.), [<https://www.english-corpora.org/coca/>]. Таким образом, многие экспрессивно-оценочные компоненты значения слов не находят объективного подтверждения, а скорее соотносятся с некими обобщенными образами, стереотипами, усвоенными вместе с изучением родного языка и являющимися частью коллективной памяти определенного лингвосоциума.

Компонентный анализ лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слова *змея* в русском языке и слова *snake* в английском языке позволил выявить вероятные основания появления отрицательного КЗ. Ступенчатая идентификация семного состава *змея*₁ и *змея*₂, а также *snake*₁ и *snake*₂ соответственно в русском и английском языках представляет отношения между компонентами следующим образом: 1) категориально-грамматические семы демонстрируют совпадение; 2) на уровне лексико-грамматических сем происходит расширение лексико-грамматических характеристик (параметр женский род дополняется параметром мужской род (в русском языке)); 3)

категориально-лексические семы благодаря метафорической трансформации меняются кардинально: осуществляется переход из класса пресмыкающихся в класс млекопитающих, вид *Homo sapiens* – человек. Благодаря метафорической трансформации актуализируются имплицитные, периферийные семы: `оценка отрицательная` (коннотативная сема₄), `коварный` (коннотативная сема₅), `хитрый` (коннотативная сема₆), `злой` (коннотативная сема₇). Данные семы не связаны с исходным референтом, ибо змея не обладает теми качествами, которые ей «приписаны» человеческим воображением и зафиксированы в словаре. Компонентный анализ позволяет эксплицировать коннотемы, содержащиеся в базовом значении слова и служащие мотивационной основой для образования производного коннотативного значения. Сравнительно-сопоставительный анализ иерархически выстроенных сем ЛСВ одного многозначного слова, а также ЛСВ слов-эквивалентов разных языков демонстрирует универсальное и специфическое содержание ЯЕ на коннотативном уровне, т.е. коэквивалентность – тождественность ЯЕ, принадлежащих разным языкам, определяемую на основании соответствия их КЗ.

В параграфах 4.2 и 4.3. осуществляется анализ функционирования КМЯЕ в рамках микро- и макроконтраста, а также широкого контекста, позволяющий осуществить корпусную репрезентацию контекстуализации и деконтекстуализации КЗЯЕ. Основными механизмами, способствующими актуализации КЗ на уровне микро- и макроконтрастов являются: валентностное (семантическая, синтаксическая и эмоциональная валентность) и сочетаемостное варьирование, а также неконвенциональная контекстуализация.

Роль условно устойчивых сочетаемостных моделей (УУСМ) предполагает свободное сочетание ЯЕ, характеризующихся относительно высокой частотностью совместного употребления, обуславливающей коннотемизацию одного из членов. Актуализации КЗ слова в УУСМ способствует совместное употребление с иными языковыми единицами, дисперсионно расположенными в тексте и синхронизированными с базовым словом по критерию оценочной модальности.

Для исследования специфики реализации коннотации в формате широкого контекста введено понятие нормативного конвенционального контекста (НКК), который отражает употребление слова в его общепринятом, высоко частотном словарном значении, а также нормативного неконвенционального контекста (ННК), не нарушающего правила употребления определенного языка, но благодаря наличию особых компонентов высказывания способствующего актуализации КЗЯЕ. Так,

например, в русском и английском языках у слов *крот* и *mole*, помимо основного значения «млекопитающее отряда насекомоядных, живущее в норах под землей, а также мех его» [Ожегов, 1975] и «*a small animal with black fur that lives underground*», актуализируемого в НКК, существует производное значение «агент спецслужб, действующий в разведывательных структурах или в криминальных сообществах» [БСТСРЯ, 2012] и «*a member of a government or other organization who gives secret information to the press or to a rival organization*» [CED, 2020], актуализируемое в рамках НКК: «<...> *важнейшую роль в этой индустрии играют утечки: из центрального аппарата Рособнадзора, из региональных контор. Однако ни один заметный «крот» в чиновничьих структурах так и не был разоблачен* [Привалов, 2014]. *Well, you see, the mole wasn't a spy, he was an informant. Aha. Let's use a microscope to tell the difference. The mole: Stefan Halper, a Cambridge professor. Supposedly, Halper was gathering information for the FBI about a suspected Trump-Russia connection <...>. [Rappoport, 2018].* Использование ЯЕ с актуализированным КЗ обусловлено потребностью пользователей осуществлять когнитивно-коммуникативную деятельность с соблюдением диапазона определенного эмоционально-оценочного регистра, являющегося одним из условий полноценного существования личности.

В параграфах 4.4. и 4.5. проводится анализ реализации КЗ на дискурсивном уровне – среде, максимально приближенной к естественному функционированию КМЯЕ, описываются особенности проявления коннотативной диасемии тождественных ЯЕ родственных и неродственных языков. Анализ дискурсивных контекстов, под которыми в данной работе понимается симбиоз свойств текста как филологической единицы и конкретной коммуникативной практики, предполагает выполнение следующих процедур: 1) анализ семантической структуры языковой единицы; 2) анализ условий функционирования языковой единицы в контексте; 3) сравнение культурных особенностей [Czachur, 2011; Newmark, 2006], среды существования сопоставляемых языков; 4) соотнесение коннотативного значения языковой единицы с коррелирующим концептом [Карасик, 2005]; 5) определение межличностного и идеационального смыслов [Carl, 1980; Mill, 2009].

Соотносимость КЗЯЕ, не являющихся эквивалентами с точки зрения переводных словарей, определяемая в работе как **коэквивалентность**, позволяет осуществлять **коннотативную коллинеацию**, т.е. построение интра- и интерязыковых синонимических рядов эквивалентов, являющихся тождественными на основании их системно-структурных, лексико-семантических, контекстуальных и когнитивно-дискурсивных свойств.

Так, например, коэквивалентными являются семема английского языка *machete* и семема русского языка *топор*, в случаях, когда в контекстах их употребления актуализированы семы `проявлять агрессию`, `осуществлять насильственные действия`. Интерпретация таких контекстов демонстрирует соотношение данных слов с концептом АГРЕССИЯ, содержание которого в широком смысле можно определить как поведение, наносящее вред кому-то или чему-то [Берковиц, 2001]. Следующие примеры иллюстрируют смысловую конфигурацию коннотативно тождественных ЯЕ, не являющихся эквивалентами с точки зрения их референтной соотнесенности:

«*But some public schools are refusing to let the **budgetary machete** finish off their early <...>*» (WEB : 2012 : texastribune.org,) – «бюджетное мачете» предполагает функцию кардинального урезания бюджета на общеобразовательные школы; «*Not so fast. Even if Congress takes a **machete** to those kinds of **government expenditures** – called <...>*» (News : 2011, № 150) – как и в предыдущем примере актуализировано переносное значение «урезать расходы»; «*Первыми под **топор** просят профессиональные привилегии: санаторно-курортное обслуживание, <...>*» [Мещанинова, 2003]; «*<...> таким путем **топор** заносится практически над каждым регионом? Ведь дотационные регионы, <...>*» [Вишневецкий, 2003]. Контекстуальный анализ показал, что 10% всех употреблений слова *топор* (в НКРЯ найдено 1590 документов, 3639 вхождений) представляют переносные значения с отрицательной коннотацией. Контекстуальный анализ 367 фрагментов, извлеченных из Corpus of Contemporary American English, показал, что 2% всех употреблений слова *machete* представляет переносное значение с отрицательной коннотацией.

Анализ институционального дискурса, проведенный на материале интернет-форума, посвященного обсуждению вариантов наименования мелкого офисного служащего, показал, что в современном русском языке в офисном дискурсе функционирует коннотативно маркированное слово *планктон*. Образованию отрицательного КЗ у этого слова способствовало представление об образе жизни представителей зоо- и фитопланктона: расположение в конце пищевой цепочки. Перенесение данной модели на формат взаимоотношения людей определило транспозицию слова из узкоспециализированной сферы употребления в сферу повседневного офисного дискурса: «*Кто из представителей **офисного планктона** не мечтает стать «акулой топового звена»?*» [Милай, 2020].

В английском языке лексема *plankton* также используется в переносном значении с отрицательной коннотацией: «*<...> Trump was there behind his “enormous” desk – “he looks like a **plankton** behind it <...>*» [Landsbaum,

2016]. Употребление слова *plankton* по отношению к человеку создает негативные коннотации по следующим параметрам: 1) размер – очень маленький; 2) интеллект – сравнение с организмами, дрейфующими по течению, предполагает отсутствие сознания и способности принимать самостоятельные решения; 3) ассоциативность – планктон как совокупность мельчайших организмов вызывает чувство брезгливости. Психологическая составляющая совокупной коннотации, задаваемая сравнением с планктоном и получающая дальнейшее развитие в данном фрагменте дискурса, зиждется на таких основных параметрах коннотации, как аксиологический (хорошо/плохо в общеоценочном смысле), качественный (положительное/отрицательное качество в частнооценочном смысле) и количественный (большой/маленький). Таким образом, можно сказать, что включение словосочетания «офисный планктон» в институциональный дискурс задает особую тональность корпоративной культуре и модифицирует содержание концепта РАБОТА.

Анализ ЯЕ, представляющих англоязычные наименования мелкого офисного служащего, позволил выделить следующие группы слов с отрицательной коннотацией: 1) частнооценочные лексемы, акцентирующие внимание на определенном качестве (леность, безынициативность, слабость, лицемерие): *Drone, Slacker, Drudge, Middle-management suck-up, Trog* (сокращенная форма от *trogloodyte*); 2) ассоциированность с определенным рабочим местом: *Cube dweller, Company man*; 3) фокус на функциональных особенностях субъекта: *Bottom feeder, Desk jockeys, Paper pusher* (AmE), *Pen-pusher* (BrE), *Chair-warmer, Clock watcher, Bean counter, Wage-slave, Minion, Pleb, Lackey*; 4) транспозиция значения слова из категории «одушевленность» в категорию «неодушевленность»: *Corporate Stooge, Human Resource, Cog, Droid, Corpo nobody, Bubble, Dead wood*; 5) аллюзия на прецедентные художественные произведения: *Dilbert*; 6) вульгаризмы: *Brown-noser*; 7) транспозиция значения слова из категории «человек» в категорию «животное»: *Corporate Sheep, Dogsboddy, Corporate Monkey, Office Monkeys, Gopher*.

В качестве предложенных участниками форума вариантов ЯЕ с уничижительным значением для наименования мелкого офисного служащего, существующих в польском языке, выступили слова *korpoludek* (“corpo little guy”) и *korpczłowiek* (“corpo man”). Представляется, что возможным переводом лексемы *korpczłowiek* на русский язык, который бы отражал коннотацию этого польского слова и одновременно передавал бы его внутреннюю форму, мог бы выступить в русском языке вариант

корпочел. Данные слова можно отнести к группе «ассоциированность с определенным рабочим местом».

Уникальной в аспекте интерпретации внутренней формы слова, когнитивно-дискурсивной природы и коннотации является лексема японского языка *sararīman*. Для японской культуры SARARĪMAN имеет концептуальное значение – это имя концепта, отражающее гиперположительное отношение японцев к труду. В современном японском языке данное слово стало использоваться и в контекстах, которые генерируют отрицательную коннотацию. Причиной такого аксиологического сдвига послужил ряд лингвистических факторов, которые способствовали увеличению интенсивности и продолжительности труда «белых воротничков»: *Forget what you have heard about the hard-working Japanese salaryman: since the early 1990's, the Japanese have drastically slackened their work habits.* – Забудьте то, что вы слышали о **трудолюбивых японских служащих**: с начала 1990-х годов японцы значительно ослабили свои трудовые традиции [Reverso Context, 2020]. Изменение отношения японцев к труду отразилось на оценочной составляющей содержания концепта SARARĪMAN, что естественным образом сказывается и на его коннотации.

Сравнительно-сопоставительное рассмотрение КМЯЕ разных языков представляет собой частные случаи, с одной стороны, но с другой стороны, «каждое явление как частный случай общего» есть «способ существования последнего» [Шахнарович, 2011 : 191], что, на наш взгляд, дает возможность обобщить наблюдения и представить их в виде генерализированной модели.

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного исследования, излагаются основные выводы, намечаются перспективы работы.

В **Приложениях** содержатся иллюстративные фрагменты исследуемого языкового материала, а также образцы анкет и активные ссылки на Google Forms.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Сущностной характеристикой феномена лингвистической коннотации является способность онтологизировать результаты когнитивной деятельности человека, его психических и эмоциональных реакций, аксиологических и духовных установок в единой вербальной форме. В основе образования коннотативного значения лежит концептуальный сдвиг, предполагающий выдвигание на первый план, на поверхностный смысловой уровень иного концепта, чем тот, который непосредственно связан с

исследуемой языковой единицей. Такой сдвиг придает языковой единице особую экспрессивность и оценочность, создавая в процессе интеракции коммуникантов единое когнитивное пространство, обладающее яркой, выразительной образностью. Механизм, лежащий в основе данного концептуального сдвига, в силу его попеременности – поочередной контекстуально обусловленной актуализации денотативного и коннотативного значения, определен в работе как реверсивная концептуализация.

2. Формирование коннотативного значения осуществляется в результате конвергенции заложенных в языковой единице смыслов и внешних по отношению к языку факторов. В виду этого не существует жестко заданной модели образования коннотативного значения – с высокой долей вероятности она может быть гипотетически представлена в виде конфигурации, включающей в себя совокупность лингвистических, социокультурных, когнитивных и дискурсивных экспонентов. Реализация коннотативного значения в дискурсе является частным проявлением универсального явления и соответствует постулату Ч. С. Пирса о неограниченном семиозисе.

3. Иррациональность является важным свойством коннотации, однако, отсутствие объективных оснований для коннотемизации лексем не исключает того, что в основе появления коннотативного значения у ЯЕ лежит акт познания, в процессе которого субъекту или объекту познания приписываются свойства и качества, связанные с тем, как индивид воспринимает и оценивает окружающий мир, находясь под влиянием норм и правил нативной культурной среды. Коннотация – это своеобразная рациональная иррациональность, знание и умение оперировать которой помогает субъекту адаптироваться в определенном социуме. Интерпретация иррациональных основ коннотативного значения эксплицирует характерные черты ментальности этнолингвосоциума.

4. Развитие и становление понятия и термина «коннотация» в лингвистике характеризуется векторной направленностью, определившей в качестве ключевых дефиниционных локусов межуровневость, кросс-дисциплинарность и интеракционность. Данные локусы предопределили в роли доминирующего качественного свойства коннотации *некомпозиционность*. Некомпозиционность коннотации позволяет ей реализовываться на всех уровнях языка, мимикрируя в соответствии со структурными особенностями последних.

5. Исследование КЗ в аспекте его рассмотрения в рамках гибридных наук позволяет говорить о том, что в качестве принципиально важного звена,

обеспечивающего тесное взаимодействие между языком, культурой и менталитетом этнолингвосоциума, выступает дискурсивная языковая личность. Постоянное воспроизводство коммуникантами в устных и письменных текстах тех или иных КМЯЕ способствует закреплению социально значимых смыслов за определенными вербальными формами, а также их корректному «прочтению» всеми участниками дискурса.

6. Междисциплинарность феномена коннотации позволяет определить её четыре важнейшие ипостаси: а) знак межкультурного уровня, отражающий культурно-мировоззренческие установки носителей языка; б) маркер национального менталитета, значимый для языковых картин мира; в) факт языка, свидетельствующий о его деятельностной направленности; г) мыслительно-языковой феномен, отражающий когнитивные модели коллективного бессознательного.

7. Коннотирование определенных свойств и качеств объектам и субъектам является фундаментальным свойством человеческого мышления, востребованным в процессе естественной языковой коммуникации. Процесс коннотирования результирует вербализацией социально значимых для определенного культурного и национально-языкового сообщества смыслов. Благодаря регулярному функционированию определенной языковой формы, являющейся носителем КЗ, последнее постепенно гипостазируется, утрачивает когнитивную маркированность и начинает оказывать миромоделирующее влияние на сознание носителей языка, задавая особый фокус восприятия действительности.

8. Существенным для понимания характера соотношения между коннотацией и смежными лингвистическими и нелингвистическими явлениями-коррелятами является понимание диффузности границ, отделяющих одно понятие от другого. Пересечение объема коррелирующих понятий обусловлено ценностно-познавательным синкретизмом коннотации, представляющей вербализованную форму когнитивной интерпретации окружающего мира, специфический фрагмент организации пространства знания каждого лингвосоциума.

9. Сопоставительный анализ явлений-коррелятов, соотносимых с понятием «коннотация», показал, что в качестве основных разграничительных критериев выступают категориально-функциональные, ядерные признаки, определяющие целесообразность введения данного понятия в терминологический аппарат конкретного научного направления. Диффузия явлений-коррелятов проявляется при условии, если объем одного понятия пересекается с объемом другого понятия; репрезентацией таких случаев является процесс взаимоопределения. Недифференцированное

употребление соотносимых понятий влечет за собой их синтез, приводящий к подмене и «размыванию» понятия «коннотация». Дифференцированное определение явлений-коррелятов, наоборот, способствует их конституированию.

10. Интродуцирование лингвистической коннотологии в систему современных научных направлений обусловлено необходимостью осмысления значимости коннотации для дисциплин гуманитарного профиля, в которых данный термин активно используется. Систематизация разрозненных теоретических положений в рамках лингвистической коннотологии способствует интегральному охвату и упорядочиванию релевантных идей, обретению коннотацией фундаментального статуса.

11. Коэффициент коннотативной координированности, в качестве формализованного параметра, объективирует значимость степени несовпадения коннотативного фона сравниваемых языков, является индикатором потенциально возможных случаев с неясной семантикой. Сопоставление коннотативного значения слов-эквивалентов способствует выявлению гносеологических качеств слова, объективируя языковое творчество народа, креативность человеческого сознания.

12. Введение в терминологический инструментарий лингвистической коннотологии терминов *коэквивалентность*, *коннотативная диасемия*, *коннотемизация*, *конституативная интерпретация*, *коннотативная коллинеация* имеет существенное значение для выявления специфики языкового воплощения и реализации КЗ на лексическом, синтаксическом, гиперсинтаксическом и дискурсивном уровнях в сравнительно-сопоставительном аспекте.

13. Трудности интерпретация КМЯЕ, возникающие в процессе межъязыковых трансформаций, обусловлены способностью человеческого мышления истолковывать информацию в соответствии с общепринятым, привычным для определенного социокультурного и национально-языкового сообщества ракурсом восприятия. Вербализированное коллективное социокультурное знание обуславливает межъязыковую вариативность КЗ денотативно тождественных ЯЕ и соотносится с проблемой лингвистической лакунарности.

В качестве **перспективных направлений** разработки обозначенной проблематики предлагается расширение исследовательской платформы за счет интегрирования естественнонаучного методического и технического обеспечения с целью объективации персуазивного воздействия коннотативно маркированных языковых единиц на реципиента. Положения, выработанные в рамках лингвистической коннотологии, могут служить основой для

дальнейшего исследования значимости и роли коннотации в формировании межкультурного дискурсивного пространства, изучения дискурсивной языковой личности в интра- и интеръязыковой проекции.

Представляется, что изучение феномена коннотации в рамках лингвистической коннотологии с использованием предлагаемой интегративной методики позволит приблизиться к пониманию способности человека выражать свое эмоционально-оценочное отношение в вербальной форме, а коннотативное значение языковых единиц окажется тем ключом, который поможет приоткрыть дверь в тайны человеческого сознания.

Основные положения и научные результаты исследования получили отражение в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Минобрнауки РФ

1. Кислицына Н. Н. Коннотация в свете общей теории дискурса / Н. Н. Кислицына // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград, 2016. – № 5 (109). – С.85–89. 0,5 п.л.

2. Кислицына Н. Н. Асимметрия реализации коннотативного потенциала лексем-эквивалентов английского и русского языков / Н. Н. Кислицына // Известия Южного федерального Университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2016. – № 2. – С. 233–240. 0,5 п.л.

3. Кислицына Н. Н. О некоторых аспектах изучения туристического дискурса / Н. Н. Кислицына, А. Н. Рак // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь, 2016. – Т. 2 (68). – № 2. – Ч. 1. С. 90–97. 0,5/0,25 п.л.

4. Кислицына Н. Н. Спортивный дискурс в системе институциональных видов дискурса / Н. Н. Кислицына, Е. А. Новикова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2017. – № 2 (26). – С. 28–35. 0,5/0,25 п.л.

5. Кислицына Н. Н. Симбиоз языка и культуры: антропологический, этно- и социолингвистический аспекты / С. Г. Агапова, Н. Н. Кислицына // Вестник МГПУ Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – Москва, 2017. – № 4 (28). – С. 56–63. 0,5/0,25 п.л.

6. Кислицына Н. Н. Особенности передачи коннотаций при переводе экспрессивно-оценочных метафор в публицистических текстах / Н. Н. Кислицына, Т. В. Мельниченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2018. – № 3–1 (81). – С. 108–111. 0,5/0,25 п.л.

7. Кислицына Н. Н. О коннотации в свете концепции речевых жанров / Н. Н. Кислицына, М. Г. Дещенко // Актуальные проблемы филологии и

педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2018. – № 1 (29). – С. 121–128. 0,8/0,4 п.л.

8. Кислицына Н. Н. Когнитивные основы изучения коннотативного значения слова, текста и дискурса / Н. Н. Кислицына // Когнитивные исследования языка. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова; Неолит, 2018. – С. 515–519. 0,3 п.л.

9. Кислицына Н. Н. Коннотация в свете гипотезы об «энергейтичности» языка / Н. Н. Кислицына // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – Тверь, 2018. – № 4. – С. 155–160. 0,4 п.л.

10. Кислицына Н. Н. Лексико-стилистический инструментарий моделирования образа государства / Н. Н. Кислицына // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2018. – № 6 (72). – С. 60–64. 0,6 п.л.

11. Кислицына Н. Н. Контекстуализация и деконтекстуализация как способы активации коннотативного значения слова / Н. Н. Кислицына // Балтийский гуманитарный журнал. – Калининград, 2018. – Т. 7. – № 4(25). С. 63–66. 0,6 п.л.

12. Кислицына Н. Н. Лингвокогнитивные параметры эмоционального интеллекта / Н. Н. Кислицына // Вестник Пятигорского государственного университета. – Пятигорск, 2018. – № 3. – С. 198–201. 0,5 п.л.

13. Кислицына Н. Н. Коннотация как коммуникативная лакуна / Н. Н. Кислицына // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – Москва, 2019. – Т. 8. – № 1. – С. 31–35. 0,5 п.л.

14. Кислицына Н. Н. Стилистические приемы как инструмент когнитивного моделирования сознания / Н. Н. Кислицына, М. С. Меленцова // Балтийский гуманитарный журнал. – Калининград, 2019. – Т. 8. – № 1(26). – С. 82–85. 0,7/0,4 п.л.

15. Кислицына Н. Н. Композиционные, стилистические и лексические особенности интернет коммуникации (на материале англоязычных блогов профессиональной направленности) / Н. Н. Кислицына, О. Г. Чернявская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12. – Выпуск 6. – С. 368–373. 0,8/0,4 п.л.

16. Кислицына Н. Н. Лингвокогнитивные особенности кинодискурса (на материале англоязычных диалогов подростков) / Н. Н. Кислицына, А. Г. Службина // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2019. – Т. 21. – № 2. – С. 513–520. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-513-520>. 0,9/0,45 п.л.

17. Кислицына Н. Н. Интегративная методика исследования коннотативного значения слова / Н. Н. Кислицына // Вестник Челябинского

государственного университета. – Челябинск, 2019. – № 6 (428).
Филологические науки. Вып. 117. – С. 77–86. 0,9 п.л.

Публикации, включенные в информационно-аналитические базы данных Scopus и Web of Science

18. Kislitsyna N. N. Culture Restrictions as a Trigger to the Society Development: History and Modernity / L. V. Gushchina, N. N. Kislitsyna, E. A. Agarova, N. V. Izotova // International Journal of Economics & Business Administration. – Greece: Piraeus, 2019. – Volume VII. – Special Issue 1, 261–269. 0,6/0,15 п.л.

19. Кислицына Н. Н. Аспекты рассмотрения феномена коннотации: лакунарность и эмоциональная валентность / Н. Н. Кислицына, С. Г. Агапова // Научный диалог. – Екатеринбург, 2020. – № 3. – С. 96–112. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-96-112. 0,84/0,6 п.л.

20. Кислицына Н. Н. Мультиmodalный анализ дискурса в англоязычных блогах психологической тематики. / Н. Н. Кислицына, О. Г. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2020. – № 2. С. 64–76. 1/0,5 п.л.

21. Кислицына Н. Н. Реализация коннотационного потенциала метафоры при создании образа женщины-политика (на материале англоязычных СМИ) / Н. Н. Кислицына, Т. В. Мельниченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2020, – № 65 (3). – С. 92–108. 1/0,5 п.л.

Монографии и главы в коллективных монографиях

22. Кислицына Н. Н. Жанры спортивного дискурса: лингво-когнитивный аспект / Н. Н. Кислицына, Е. А. Новикова // Монография. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 205 с. (автор – 50 %). DOI 10/12737/1077732. 12,8/6,4 п.л.

Статьи в сборниках научных трудов и материалах международных, всероссийских и региональных научных конференций

23. Кислицына Н. Н. Использование компонентного анализа в процессе перевода (на материале английского, украинского и русского языков) / Н. Н. Кислицына // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2009. – № 34. – С. 280–285. 0,42 п.л.

24. Кислицына Н. Н. Языковая личность как основа для конфигурации понятий язык, сознание и мышление / Н. Н. Кислицына // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: ТНУ, 2010. – № 189. С. 116–121. 0,62 п.л.

25. Кислицына Н. Н. О месте коннотативного значения в семантической структуре слова / Н. Н. Кислицына // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия

«Филология. Социальные коммуникации», 2011. – Т. 24 (63). – № 4. – Ч.2. – С. 129–136. 0,5 п.л.

26. Кислицына Н. Н. Внутренняя форма слов со значением ‘память’ (на материале английского, французского, украинского и русского языков) / Н. Н. Кислицына // *Studia Germanica et Romanica*. – Донецк, 2011. – Т. 8, – № 2 (23). – С. 65–72. 0,53 п.л.

27. Кислицына Н. Н. Семантико-когнитивный анализ концепта РАБОТА (на материале английского, французского, украинского и русского языков) / Н. Н. Кислицына, Т. М. Норец // *Studia Linguistica*. Збірник наукових праць. – Київ, ВПЦ «Київський університет», 2012. – Вип. 6. – Ч. 2. – С. 98–106. 0,84/0,42 п.л.

28. Кислицына Н. Н. Когнитивные основы коннотации / Н. Н. Кислицына // *Германістика у ХХІ столітті: когнітивна, соціо- та прагмалінгвістика*. – Харків: ХНУ, 2012. – С. 82–83. 0,1 п.л.

29. Кислицына Н. Н. Коннотативное значение в аспекте перевода / Н. Н. Кислицына // *Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы III международной научной конференции*. – М.: Изд. высшая школа перевода МГУ, 2012. – С. 247–251. 0,3 п.л.

30. Кислицына Н. Н. Коннотация vs. денотация / Н. Н. Кислицына // *Нова Філологія. Збірник наукових праць*. – Запоріжжя: ЗНУ, 2012. – Т. 51. – С. 89–91. 0,3 п.л.

31. Kislitsyna N. N. Connotation in the light of contrastive linguistics / N. N. Kislitsyna // *Journal of international Scientific Publications: Language, Individual and Society*. – Bulgaria, 2012. – Volume 6, – Part 1. – P. 203–210. 0,68 п.л.

32. Кислицына Н. Н. Коннотативный уровень лексической семантики: особенности межъязыковых трансформаций / Н. Н. Кислицына // *Світова література на перехресті культур і цивілізацій. Збірник наукових праць*. – Симферополь: Кримський Архів, 2012. – Вип. 6. – С. 201–209. 0,5 п.л.

33. Кислицына Н. Н. Особенности передачи коннотативного значения при переводе / Н. Н. Кислицына, Э.С. Сулейманова // *Культура народов Причерноморья*. – Симферополь: ТНУ, 2012. – № 223. – С. 127–128. 0,2 / 0,1 п.л.

34. Кислицына Н. Н. Особенности перевода неологизмов в экономических текстах: лингвокогнитивный аспект / Н. Н. Кислицына, И. К. Сакиева // *Культура народов Причерноморья*. – Симферополь: ТНУ, 2012. – № 223. – С. 124–126. 0,3 / 0,15 п.л.

35. Кислицына Н. Н. Функционирование термина «коннотация» в специализированных текстах / Н. Н. Кислицына // *Світова література на*

перехресті культур і цивілізацій. Збірник наукових праць. – Сімферополь: Кримський Архів, 2013. – Вип. 7. – Ч. II. – С. 132–144. 0,6 п.л.

36. Кислицына Н. Н. Сопоставительный анализ параллельных текстов в аспекте формирования переводческих навыков (на материале стихотворения Э. Дикинсон «Success» и его переводов на русский язык) / Н. Н. Кислицына, М. И. Орлова // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: ТНУ, 2013. – № 255. – С. 198–201. 0,4/0,2 п.л.

37. Кислицына Н. Н. Кросс-культурная значимость лингвистической коннотации / Н. Н. Кислицына // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы II Международной науч.-практ. конференции. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – Т. I. – С. 588–594. 0,45 п.л.

38. Кислицына Н. Н. К вопросу о необходимости разработки контрастивной коннотологии / Н. Н. Кислицына // Южно-российские научные чтения. Язык как система и деятельность – 5. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Южного федерального университета и 90-летию со дня рождения проф. Ю. А. Гвоздарева. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2015. – С. 111–113. 0,3 п.л.

39. Кислицына Н. Н. Корреляция коннотативного значения слова и смежных лингвистических понятий / Н. Н. Кислицына // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сборник научных трудов / Научный редактор В. З. Демьянков. – М.: ТЕЗАУРУС, 2015. – С. 507–512. 0,62 п.л.

40. Кислицына Н. Н. Коннотативное значение слова как дифференциальный компонент национальных языковых картин мира / Н. Н. Кислицына // Англистика XXI века: Сборник статей по материалам VIII науч.-метод. конференции, посвящённой памяти профессора С. В. Воронина. – Санкт-Петербург: УОО, 2016. – С. 153–158. 0,25 п.л.

41. Кислицына Н. Н. Особенности перевода топонимов: коннотативный аспект / Н. Н. Кислицына, О. С. Жаглина // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы I Международной конференции. – М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2016. – С. 243–246. 0,3/0,15 п.л.

42. Кислицына Н. Н. Роль коннотативной изотопии в организации дискурса / Н. Н. Кислицына // Сборник тезисов участников II научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. – Симферополь: КФУ, 2016. – 142–143 с. 0,14 п.л.

43. Кислицына Н. Н. Коннотация метафорических номинаций / Н. Н. Кислицына, Ю. О. Моисеева // Язык и личность в поликультурном пространстве: сборник статей. – М.: Перо, 2017. – С. 148–153. 0,3/0,15 п.л.

44. Кислицына Н. Н. Значимость ключевых слов в аспекте изучения дискурса / Н. Н. Кислицына, К. Д. Герман // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы I всероссийской науч.-практ. конференции. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 186–190. 0,3/0,15 п.л.

45. Кислицына Н. Н. О понятии «коннотативный потенциал текста» / Н. Н. Кислицына, Т. С. Антипова // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика: материалы Всероссийской науч.-практ. конференции. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 184–190. 0,3/0,15 п.л.

46. Кислицына Н. Н. Феномен коннотативной асимметрии: теоретический аспект / Н. Н. Кислицына, Е. М. Смолякова // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы II Международного научного конгресса. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 273–278. 0,3/0,15 п.л.

47. Kislitsyna N. N. Connotative Word Meaning as the Result of Metaphorical Reconsideration / N. N. Kislitsyna // III-rd International Symposium on Figurative Thought and Meaning. April 26-28, 2017. – Faculty of Humanities and Social Sciences University of Osijek. – Croatia, 2017. – P. 56. 0,1 п.л.

48. Kislitsyna N. N. Linguistic Connotation as a Tool of Cognitive Analysis of Lexicon (in Russian and English Languages) / N. N. Kislitsyna // XV-th Slavic Cognitive Linguistics Conference. 12–14 October 2017. – Book of Abstracts. – St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2017. – P. 31–32. 0,1 п.л.

49. Кислицына Н. Н. Конвергенция логического и лингвистического подходов при изучении категории оценки / Н. Н. Кислицына // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: сб. материалов II Международной междисциплинарной науч. конференции. – Симферополь: ООО «Антиква», 2018. – С. 12–16. 0,29 п.л.

50. Кислицына Н. Н. Категория «возраст» в свете темпоральной семантики / Н. Н. Кислицына, Е. В. Селезнева // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы III Международного научного конгресса. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 309–312. 0,25/0,13 п.л.

51. Кислицына Н. Н. Типология коннотативной лексики / Н. Н. Кислицына, В. Ю. Гуляева // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. Научный филологический рецензируемый журнал. – Симферополь, 2018. – № 1. – 2 (21–22). – С. 135–143. 0,39/0,2 п.л.

52. Кислицына Н. Н. К вопросу о манипулятивных технологиях в новостных блоках в СМИ: лингвистический аспект / Н. Н. Кислицына, М. С. Меленцова // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: сб. материалов III Международной междисциплинарной науч. конференции. – Симферополь: ООО «Антиква», 2019. – С. 99–103. 0,2/0,1 п.л.

53. Кислицына Н. Н. Контекст и значение в аспекте передачи оценочной семантики при переводе / Н. Н. Кислицына, М. С. Меленцова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III Международной науч.-практ. конференции. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – С.174–177. 0,2/0,1 п.л.

54. Кислицына Н. Н. Когнитивные искажения: лингвистический аспект коммуникативных неудач / Н. Н. Кислицына, М. С. Меленцова // Реклама, маркетинг, PR: теоретические и прикладные аспекты интегрированных коммуникаций: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. – С.38–43. 0,3/0,15 п.л.

55. Кислицына Н.Н. Дискурсивные стратегии и тактики спортивного интервью (на материале английского языка) / Н. Н. Кислицына, Е. А. Новикова // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: сб. материалов IV Международной междисциплинарной науч. конференции. – Симферополь: ООО «Антиква», 2020. – С. 164–168. 0,3/0,15 п.л.

56. Kislitsyna N.N. «We/They» Opposition Within Intercultural Dialogue / N. N. Kislitsyna // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Conference proceedings. DCCD. European Publisher, 2020. – Vol. 95. – С. 383–390. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.03.41. 0,68 п.л.

57. Kislitsyna N. N. Lacunae in Language and Speech: Intercultural and Textual Aspects / N. N. Kislitsyna // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Conference proceedings. NININS. European Publisher, 2021. – Vol. 102. – P. 496–505. DOI: 10.15405/epsbs.2021.02.02.62. 0,8 п.л.